

Персидская Наталья Юрьевна

РОЛЬ МОРДОВСКОЙ ОБЩИНЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается механизм взаимодействия власти и мордовской общины. Автор определяет функции и место общины в социально-политической системе Российского государства XVII-XVIII вв. На многочисленном архивном материале проанализирована ее роль как социального инструмента, позволяющего в определенной степени согласовывать интересы Российского государства и мордовского народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III. С. 158-162. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 352(=511):94(470+571)«16/17»

Исторические науки и археология

В статье рассматривается механизм взаимодействия власти и мордовской общины. Автор определяет функции и место общины в социально-политической системе Российского государства XVII-XVIII вв. На многочисленном архивном материале проанализирована ее роль как социального инструмента, позволяющего в определенной степени согласовывать интересы Российского государства и мордовского народа.

Ключевые слова и фразы: крестьянская община; мордовский этнос; выборные общинные должности; сбор податей; выполнение повинностей; охранный грамота.

Персидская Наталья Юрьевна, к.и.н.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева
Zarva73@yandex.ru

**РОЛЬ МОРДОВСКОЙ ОБЩИНЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА[©]**

Крестьянская община на протяжении всего периода истории Российского государства вплоть до XX века играла огромную роль в жизни общества. Она являлась важнейшим институтом феодального государства. В советской историографии традиционно община рассматривалась как удобный инструмент для управления крестьянством [2]. Благодаря круговой поруке наиболее активно она использовалась правящим классом для сбора налогов и поддержания общественного порядка в деревне. Следовательно, и феодалы, и государство в целом были заинтересованы в общине, поскольку управлять уже организованным крестьянством было гораздо удобнее. Однако, с другой стороны, и на это в большей степени обращает внимание современная отечественная историография, община являлась очень важным социальным институтом для самого крестьянства, так как объединение крестьян позволяло им более эффективно отстаивать свои интересы в случаях произвола и злоупотребления властью со стороны феодалов и государства [3; 4].

В связи с вышесказанным вопрос о рассмотрении, в частности, общины мордовских крестьян XVII – начала XVIII века как социального инструмента, помогающего взаимодействовать мордовскому этносу и политической системе российского государства, представляет несомненный интерес. Большинство мордовских крестьян были государственными и удельными, поэтому сохранившиеся документы дают возможность рассмотреть проблему прямых взаимоотношений мордовского мира и государства.

Во-первых, община помогала властям более эффективно в тогдашних условиях при отсутствии необходимой инфраструктуры на местах собирать налоги.

В связи с этим большой интерес представляет грамота царя Михаила Федоровича, датированная октябрём 1633 г., по челобитной всей темниковской мордвы о сборе с нее «всяких денежных доходов излюбленными их мордовскими старостами» [8, д. 847, л. 5]. Для исследователя большой интерес представляет сама процедура сбора налогов выборными органами самоуправления, описанная в грамоте. «А велети для наших всяких денежных доходов в Темниковской уезд посылати тем их мордовским выборным старостам темниковскую мордву десятников, а тем им их десятником наши всякие денежные доходы с них мордвы збирая привозити и отдавати выборным их старостам. А тем их старостам те наши денежные доходы отдавати в Темникове в нашу казну... А ис Темникова те всякие наши доходы присылати к нам к Москве с мордовскими сотники и с мордвою с лутчими людьми за поруками, ково мордва ж меж себя излюбят. А на Москве велети с теми всякими нашими (денежными доходами – П. Н.) являтца и отписки подавать в приказ Казанского дворца...» [Там же, л. 4]. То есть кроме мордовских старост, руководящих сбором налога, привлекались также выборные от общины десятники, в задачу которых входил сбор налогов непосредственно с населения и передача их старостам, а также сотники и «лутчие люди», которые должны были привозить собранное в Москву, в приказ Казанского дворца.

Помимо десятников и сотников в грамоте упоминаются также и пятидесятники. Таким образом, выборный общинный аппарат управления представлял собой стройный десятичный принцип организации, распространенный не только у мордвы, но и повсеместно. Старосте подчинялись выборные от каждых десяти, пятидесяти и сотни дворов, которые, являясь его помощниками, осуществляли различного рода фискальные и полицейские функции. Также в документах фигурирует такая распространенная общинная выборная должность как «лутчие люди».

Кроме общих органов общинного управления выбирались целовальники специально для сбора отдельных налогов. Например, сохранился документ за 1673 год, представляющий собой отчет о приеме мордовским головой Федором Васильевичем Жмакиным у кадомского воеводы Никиты Ивановича Макшеева грамот о выборах целовальников у мордвы для сбора государственных оброков за несколько лет. В нем подробно перечисляются имена крестьян, выбираемых мордвой для сбора отдельных оброков на каждый год. В грамоте фигурируют медвяный оброк, ямские деньги и посопный хлеб. С каждого беляка (единицы налогообложения у мордвы) выбирался целовальник на год, который отвечал за сбор и отправку налога в Москву [9, д. 2246, л. 1-5].

В том случае, если община не сможет обеспечить сбор налогов, то только тогда по ее просьбе могут быть задействованы государевы служилые люди. В вышеупомянутой грамоте Михаила Федоровича мордва в своей челобитной предлагала к тем, кто не будет подчиняться, применить государственную военную силу: «...на тех ослушников посылати стрельцов и пушкарей» [8, д. 847, л. 2]. Михаил Федорович подтверждает и эту просьбу. «А будет которые темниковская мордва учнут ослушатца и наших доходов платить не учнут. И на тех ослушников темниковская мордва учнут бити челом приставах, и вы (*воевода и подвластный ему аппарат управления – П. Н.*) им на тех ослушников давали пристав и велели приставом на тех ослушников наши всякие доходы, по тому ж збирая, привозить в Темников» [Там же, л. 3].

Внимание исследователя обращает на себя и тот факт, что по выбранным общиной должностным лицам должны быть составлены списки, заверенные мордовскими знаменами, принадлежавшими тем, кто туда внесен. Очевидно, что знамена, будучи строго индивидуальными, в данном случае использовались вместо подписи, одновременно подтверждая готовность выборных осуществлять свои обязанности. «А кого имя всем темниковская мордва для сбору наших доходов в старосты и к тем старостам для розыски десятников выберут и вы б тем людям имена их и с прозвищи велели переписать на роспись и на тех выборных людей у темниковские мордвы за их мордовски знамены взяти выбор, да тое роспись... прислати к нам, к Москве» [Там же, л. 5].

Кроме того, данная грамота свидетельствует о том, что мордовские общины не существовали изолированно друг от друга, а могли объединяться в рамках своей административно-территориальной единицы, в данном случае в масштабе всего уезда. Рассмотренная выше грамота свидетельствует: «Бил нам челом Темниковского уезду мордвин Кочемаско Санин и во всех темниковской мордвы места» [Там же, л. 1]. Согласно словарю И. И. Срезневского, слова «в место» означают «вместе», «вместо» [11, с. 248]. Следовательно, Кочемаско Санин представлял собой выборного от всей темниковской мордвы.

Примечательно, что царь, давая указание воеводе проверить информацию, изложенную в челобитной, распорядился, прежде всего, удостовериться в легитимности выборного Кочемаско Санина. «И как к вам ся наша грамота придет и вы б допросили темниковские мордвы сотников и пятидесятников и лутчей мордвы со всего ли их мордовского ведома челобитную такову с темниковским мордвином с Кочемаско Саниным прислали» [8, д. 847, л. 3].

Мордовские общины не существовали изолированно от окружающих их иных этносов. В некоторых случаях для отстаивания собственных интересов мордва объединялась с русскими общинами. Для иллюстрации данного утверждения можно привести следующий пример. Сохранился список выбранных мирских людей из ясашных сел и деревень Утишного стана Арзамасского уезда крестьян для поездки в Казань с целью подачи челобитной об облегчении тяжелого налогового бремени, датированный 15 октября 1714 года [6, д. 2332, л. 1-4]. Примечательно, что наряду с представителями от русских сел и деревень в выборах участвуют также новокрещены и мордва. И в числе выборных челобитчиков помимо русских крестьян присутствуют новокрещены и мордвин Корнило Аткиев [Там же, л. 1 об.].

Как уже отмечалось выше, помимо организации процесса сбора налогов на выборных от крестьянской общины лежала также ответственность за хранение собранного хлеба и отправку его в соответствующие приказы. Об этом свидетельствует еще одна грамота царя Михаила Федоровича, направленная темниковскому воеводе Г. И. Бернякову от 1643 г. по сбору налогов с темниковской мордвы и бортников. «А собрав тот хлеб... выслать на их тех мордовских подводах в Курмышской уезд в нашу дворцовую Лысковскую волость к архидакону Стефану... и отдать приказчику в их мордовские житницы... До отдачи низового отпуску тот хлеб велено беречи мордовским целовальником» [8, д. 296, л. 4].

Община использовалась государством не только для сбора натуральных и денежных податей, но и для выполнения воинской повинности. В грамоте на имя мурзы Еникея Тенишева, датированной предположительно 1600-1604 гг., содержится требование собрать «на государеву службу темниковских людей, князей и мурз, и казаков, и темниковской мордвы семсот человек». В наказе, данном мурзе, говорилось: «А говорите им князем и мурзам, и казаком, и мордве, чтоб выбирали они на государеву службу лутчих людей и резвых и были готовы на государеву службу со всем служебным нарядом. А мордве ж велети на государеву службу *верстати меж собою самим по прежнему обычаю (курсив мой – П. Н.)*, как они хаживали на государеву службу преж сего. А ослушанья бы у них в государеве службе не было никоторыми делы, чтоб они правежа не дожидались» [1, с. 160]. Как и в случае с натуральными и денежными податями верстание на военную службу мордовская община осуществляла самостоятельно. Причем порядок верстания определяется установившимся обычаем, а не конкретным указанием государя.

Также государство использовало общину и для организации выполнения различного рода работ для государственных нужд, например, для выполнения ямской повинности. Сохранилась память (вид документа, применяемого в приказном делопроизводстве) за 1704 г., выданная по указу царя Петра Алексеевича новокрещенным крестьянам, которые были выбраны от Арзамасского уезда ясашных деревень для работы на ямской станции в Муромском лесу на речке Улищах [6, д. 2679, л. 57 – 58 об.]. Грамота подтверждает законность выбора данных крестьян. «А они де Михаил Смирин с товарищи люди добрые, и в таковом государеве деле они мирские люди им Михаилу с товарищи верят, в том они на него Михаила с товарищи и выбор дали» [Там же, л. 58]. Выбранные крестьяне должны были находиться вместе с необходимым количеством лошадей и подвод на тот случай, если не будет хватать тех, которые у них есть. «А за то отправление приговорили

они мирские люди дать им Михайлу с товарищи по одиннатцати рублей на подводу и те денги собирать им самим по выбору по раскладке с ясака по чему доведетца» [Там же]. Таким образом, община не только выбирала тех, кто будет «ганьбу отправлять», но и определила сумму и способ сбора дополнительных средств, которые должны быть у крестьян.

Помимо выполнения важнейшей фискальной функции, община, в том числе и мордовская, благодаря круговой поруке, активно использовалась государством и для обеспечения полицейского порядка. Все члены общины, и в первую очередь староста, вместе с выборными членами общинного самоуправления должны были обеспечивать порядок на своей территории. В деле о разбое и воровстве мордвина Корнилы Яковлева, датированном августом 1708 г. – июлем 1709 г. имеется интересное свидетельство крестьянина Курмышского уезда Ануфрия Григорьева, приехавшего за овчиной к мордвину Ушмату Дмитриеву в деревню Вerezину. Вышеупомянутый крестьянин стал свидетелем того, как верезинский староста Клим «с товарищи» попытался задержать подозрительных людей, гостивших у крестьянина этой деревни Корнилы Яковлева. «И он де Корнила на двор ево старосту не пустил, а тех приезжих людей отпустил в задние ворота в лес и они де староста и мирские люди за теми людьми гонялись и те де люди от них ушли» [6, д. 1370, л. 24 об.].

В случае если община в целом или отдельные ее члены совершали какие-то противоправные действия, нередко ответственность за это нес весь мир в лице старосты со своими помощниками. Например, в выписи (вид документа, применяемого в приказном делопроизводстве), данной по приказу бурмистра Корнилы Макеева от 24 марта 1704 года говорится о взыскании денег со старосты деревни Итмановы Арзамасского уезда мордвина Прокофия Смолина и его помощников в качестве штрафа за прием в деревне беглого крестьянина, принадлежащего стольнику Ермолову Петру Михайловичу, а также за судебные издержки по данному делу [Там же, д. 456, л. 2 – 2 об.]. Также об этом свидетельствует челобитная от жителей деревни Келдышева, поданная в Арзамасскую приказную избу в марте 1704 года, в которой они информируют власть о побеге мордвина из их деревни Дружины Терентьева с женой и детьми, потому что «если он Дружина бегая объявитца где на татбе или на разбое или на каком воровстве и чтоб нам деревни Келдышевы всем жителем в том от него Дружины напрасно в разорении не быть» [Там же, д. 467, л. 1 об.].

При более детальном рассмотрении данной темы, обращает на себя внимание тот факт, что мордовская община, будучи подчиненной государству, тем не менее не только испытывала его влияние, но и оказывала обратное воздействие на власть. И прежде всего речь идет о местной власти, нередко склонной к злоупотреблениям. В этом случае организованное крестьянство имело гораздо больше шансов обратить на себя внимание центральной власти, являясь весомой общественной силой, контролирующей деятельность государственных чиновников на местах. Особенно ярко это прослеживается в начале рассматриваемого периода, а именно во второй половине XVI – XVII веке, то есть тогда, когда существовала сословно-представительная монархия, а процесс складывания абсолютизма еще не завершился. Даже в таком вопросе как сбор податей и повинностей мордовская община посредством коллективных челобитных, обращенных к центральной власти, в какой-то степени воздействовала на этот процесс. Естественно, масштабы данного влияния не стоит переоценивать. Изменить какие-то принципиальные моменты община была не в силах. Но вот корректировать методы и способы сбора податей и повинностей мордовские крестьяне пытались. И не всегда безуспешно.

В связи с этим большой интерес представляет вышеупомянутая грамота царя Михаила Федоровича, датированная октябрем 1633 г., по челобитной всей темниковской мордвы о сборе с нее «всяких денежных доходов излюбленными их мордовскими старостами». Из содержания грамоты становится известно, что местный воевода, отвечавший за сбор налогов, использовал для этого местных служилых людей. «...На мордвы собирают всякие наши денежные доходы. А для тех денежных доходов из Темникова в Темниковской уезд по их мордовским деревням посылают пушкарей и стрельцов. И им мордве о том чинятца убытки великие и всякая налога...» [8, д. 847, л. 1]. Мордовская община обращается к царю с челобитной о сборе налогов избранными населением старостами. «...А оне де Темниковская мордва к тому нашему денежному збору ежегод выбирают старост Темниковскую мордву...». В ответ царь дает указ темниковскому воеводе Ивану Семеновичу Лодыженскому на месте уточнить данные, изложенные в челобитной, и в случае отсутствия расхождений распорядился удовлетворить просьбу мордвы [Там же, л. 1, 3].

Подобная тенденция, свидетельствующая о попытках воздействия мордвы на способы и методы сбора налогов, представлена в челобитной нижегородской мордвы деревни Березецкой 1614 г. царю Михаилу Федоровичу [5, д. 8, л. 167]. В ней мордва жалуется на то, что подати собирают с них в нижегородскую четвертную меру, а по сравнению с московской казенной она вмещает в себя зерна больше. Данная ситуация отражает тогдашнее состояние мер и весов Российского государства, прошедшего через Смуту, сопровождавшуюся ослаблением централизации государственного управления. Поэтому наряду с московской «государевой казенной» мерой существовали местные меры, что нередко способствовало злоупотреблениям местной администрации. Помета на данной челобитной гласит: «7122 (1614) года марта в 20 день дьяком Ондрею Иванову, да Павлу Матышкину, да Василию Семенову. Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси пожаловал имать в прежнюю казенную меру как имали наперед того. А что взято лишку и тот лишней хлеб велел зачесть вперед» [Там же, л. 167 об.].

О еще об одном примере, характеризующем определенную свободу мордвы в выборе вида государственных повинностей, говорится в переписке инсарских воевод с верховной властью. В одной из черновых отписок инсарского воеводы Якова Вышеславцева царю Алексею Михайловичу, датированной 1671 годом,

содержатся сведения о том, что «татаровя и мордва казачьи свои службы здали русским людям... а те... татаровя и мордва наложили на себя твое великого государя тягло ямские и ясачные и куничные денги и посопной и стрелецкой хлеб. И живут ныне в Инсарском уезде в старых своих деревнях и на новых дачах» [7, д. 20, л. 2-3]. О подобной ситуации свидетельствует также указ царя Федора Алексеевича инсарскому воеводе Василию Сидоровичу Норову по поводу мордвы, приписанной к Лухминскому острогу Инсарского уезда [Там же, д. 31, л. 3-8]. Из текста указа становится известно, что мордовская община обратилась к царю с челобитием, в котором жаловалась, что после постройки города Инсара и инсарской засечной черты «деды де и отцы их и братья переведены ис Темниковского уезда в Инсарской уезд на вечное житье... и воиводе де Григорий Борняков приписал их по инсарской черте в казачью службу,... а они де от той служба оскудели и разорились». В связи с этим они просили царя «велеть их от казачьи службы отставить и написать их в том же Инсарском уезде в посопном тягле и обложить нашими великого государя податми». В итоге царь удовлетворил просьбу. «Инсарского уезду лухминского острогу мордве, которые переведены ис Темниковского уезду ис тяглых жеребив и построены у засечных крепостей для береженья быти в тягле и денежной и медвеной оброки прежней и что вновь на себя наложили денег же и хлеба платить своею братьею вместе с той же своей земли и с пашни и с сенных покосов». Объясняя свой отказ нести военную службу на засечной черте, мордва ссылается на отсутствие у них этой традиции. «Та де их казачья служба служить невмочь и не за обычей, к ружью непривычны и ружьем владеть не умеют» [Там же]. Примечательно, что в другом деле, а именно в указах царя Алексея Михайловича мордовскому голове Роману Яковлевичу Эверлакову, управлявшему темниковской мордвой и посопными татарами, имеются сведения об обратном поведении мордвы, когда они, наоборот, целыми деревнями записывались в служилые люди. Мордовский голова, оправдывая свою нерасторопность в сборе налогов, сообщает царю, что «...иная ж темниковская мордва деревнями написались в службу к Инзерской засеке...» [8, д. 706, л. 9-10].

Еще один аспект взаимоотношения мордовских общин и государства вызывает исследовательский интерес, а именно: выдача первым так называемых «оберегальных» или «береженных», то есть охранных грамот. В Российском государственном архиве древних актов, в фонде Темниковской приказной избы, сохранились документы такого рода. Два из них касаются мордовских деревень, находящихся возле села Красная Слобода. Поскольку этот район был частью Саратовской дороги, связывающей Нижнее Поволжье с центральной Россией, то живущая здесь мордва нередко вынуждена была снабжать проезжающих с государственными поручениями служилых людей лошадьми и продовольствием. Это приводило к неоднократным жалобам со стороны местных жителей. Одна из таких грамот, датированная 1618-1619 годами, пожалована мордве деревни Шангаринной против «насиельства приказных людей, служивых казаков и крестьян боярина Бориса Михайловича Салтыкова села Красной Слободы» [Там же, д. 559, л. 1]. Примечательно, что в данном случае мордва защищается от насилия не только со стороны служилых людей, находящихся на государственной службе, но и от соседней крестьянской общины, принадлежавшей боярину Салтыкову Борису Михайловичу, который имел значительное влияние при дворе Михаила Федоровича Романова, благодаря родству с матерью царя. На наш взгляд, частично этот факт объясняется тем, что в июне 1619 года из польского плена возвращается отец царя, будущий патриарх Филарет, в результате чего Борис Михайлович вместе со своим младшим братом Михаилом Михайловичем из-за участия в заговоре против царской невесты Хлоповой попадают в опалу [10, с. 100].

Сохранилась еще одна такая грамота, к сожалению, без даты, в ответ на челобитную мордвы деревни Челмодеевка, живущей «по Саратовской дороге, на украине, выше Красная Слободы» с указом воеводе «беречь накрепко», чтобы гонцы и станичники, а также из Понизовых городов «посланники», едущие по Саратовской дороге, «мордве обид, насиельства и продажи не чинили» [9, д. 1349, л. 1].

Однако когда о выдаче такой грамоты попросила вся темниковская мордва, царский ответ был достаточно резок. В 1635 году царь Михаил Федорович в ответ на челобитную мордвина Велмейка Кикшаева «с товарищи и всей темниковской мордвы» о «насиельстве» проезжих мимо их деревень разных служилых людей с государственными «скорыми делами» дал следующее указание темниковскому воеводе Степану Васильевичу Наумову и дьяку Ивану Поздееву: «И как к вам ся наша грамота придет и вы б вперед в Темникове у темниковской мордвы таких челобитен не примали и к нам в Москву под своими отписками не присылали» [8, д. 221, л. 23].

Подобная «оберегальная» грамота была выдана в 1663 г. из приказа Казанского дворца в ответ на жалобу темниковской посопной мордвы деревни Скерья, «чтоб им никто напрасно продаж и убытков не чинил». В самой жалобе было указано, что им «уграживали солдатскою службою сыщики и всякие посыльщики», а также о смерти на службе поставленного ими даточного человека, за которого они продолжали платить «медвяный оброк, куничья и ямские деньги и стрелецкий хлеб» [Там же, д. 317, л. 13-16].

Примечательно, что данные грамоты выдавались для охраны не только от притеснений дворян и чиновников, но и от священников, злоупотреблявших своей властью. Например, в 1662-1663 гг. всей мордве деревни Чотова Темниковского уезда была выдана «оберегальная» грамота, ограждающая от насильственных действий со стороны темниковского протопопа Данилы Никитича, который «ночью в полях их грани подсекал и книги писал и отдавал старинные их пашни Шацким новокрещенам» [Там же, д. 864, л. 3].

Таким образом, мордовская община являлась своеобразным социальным инструментом, позволявшим в определенной мере согласовывать интересы мордовского этноса и Российского государства. При этом община не только подчинялась воле государства, но и сама оказывала воздействие на власть.

Список литературы

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в.: в 4-х т. М.: Древнехранилище, 2002. Т. 3 / сост. А. В. Антонов. 680 с.
2. Александров В. А. Сельская община в России: XVII – начало XIX в. М.: Наука, 1976. 320 с.
3. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
4. Кожевникова Л. М. Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 85-90.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. Оп. 1.
6. РГАДА. Ф. 1103. Оп. 1.
7. РГАДА. Ф. 1120. Оп. 1.
8. РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Ч. I.
9. РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Ч. II.
10. Русский биографический словарь / под наблюдением А. А. Половцева: в 25-ти т. СПб.: Тип. В. Демакова, 1904. Т. 18. 673 с.
11. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1902. Т. 2. Л-П. 1802 с.

**MORDOVIAN COMMUNITY ROLE IN SOCIAL-POLITICAL SYSTEM
OF RUSSIAN STATE IN THE XVIITH – AT THE BEGINNING OF THE XVIIITH CENTURY**

Persidskaya Natal'ya Yur'evna, Ph. D. in History
N. P. Ogarev National Research Mordovia State University
Zarva73@yandex.ru

The article considers the mechanism of the interaction between the government and the community of Mordovia. The author determines the functions and position of the community in the social-political system of the Russian state in the XVIIth-XVIIIth centuries. Its role as a social tool that allows reconciling to a certain extent the interests of the Russian state and the people of Mordovia is analyzed by numerous archival materials.

Key words and phrases: peasant community; Mordvinian ethnos; elective communal offices; taxes collection; execution of duties; writ of protection.

УДК 94(477.75)/528.063

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются региональные особенности генерального межевания Крымского полуострова, которое проводилось в первой половине XIX в. Автор статьи сосредоточил свое внимание на специфике проведения межевых работ в Таврической губернии. Изучение генерального межевания отдельных национальных окраин Российской империи, по мнению автора, будет способствовать формированию комплексного восприятия этого масштабного государственного мероприятия.

Ключевые слова и фразы: генеральное межевание; Крымский полуостров; Симферопольская межевая контора; земельная дача; экономические примечания.

Петрова Инна Владимировна, к.и.н.
Донецкий национальный университет, Украина
petrovainna1975@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИМФЕРОПОЛЬСКОЙ МЕЖЕВОЙ КОНТОРЫ (1829-1843 ГГ.)[©]

В конце XVIII – начале XIX в. заканчивается процесс юридического оформления юго-западных границ Российской империи. В 1774 г. в результате подписания Кючук-Кайнарджийского мира в состав Российской империи вошли Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн. В 1783 г., воспользовавшись нестабильной политической ситуацией в Крымском ханстве, российское правительство аннексировало Крымский и Таманский полуострова, Кубань. После окончания русско-турецкой войны (1787-1791 гг.) по Ясскому мирному договору Россия присоединила Северное Причерноморье с землями между Днепром и Бугом, Крым, Очаков. Новые территориальные приобретения Российской империи заставили царское правительство в срочном порядке решать ряд текущих проблем: 1) урегулирование поземельных имущественных споров, которые возникли между местным населением и вновь прибывшими русскими и немецкими колонистами; 2) вовлечение этих территорий в единое экономическое пространство Российской империи; 3) создание стабильной политической

[©] Петрова И. В., 2013